

Глава 5

«Не лет есть при несчастьи всего лишатися»

Петр недалеко успел отъехать от Нарвы, когда его настигло известие о поражении. Потрясенный масштабами неожиданно обрушившегося на него бедствия, он понял, что еще большая опасность ждет впереди: если Карл решит закрепить свой успех и двинется на Москву, ничто не сможет ему помешать.

Петра отличало то, что, потерпев неудачу, он не впадал в отчаяние. Неудача лишь подстегивала его, и чем больше встречалось ему преград, тем настойчивее он стремился их преодолеть. Не так уж важно, что лежало в основе самообладания, стойкости и упорства Петра – упрямство и самонадеянность или же мудрость и любовь к отечеству. Понеся сокрушительное, унижительное поражение, он не искал виноватых, не потерял головы и твердо решил продолжать начатое дело. Две недели спустя после битвы он писал Шереметеву: «Не лет есть при несчастьи всего лишатися, ради того повелеваем при взятом и начатом деле быть... Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болоты замерзли, неприятелю не возможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем».

Все девять лет, отделявшие Нарву от Полтавы, Петр не знал покоя. Он никогда не ведал, сколько времени у него в запасе. Нередко лихорадка приковывала его к постели, за спиной то и дело поднимали восстания башкиры и донские казаки, но несмотря ни на что всю свою колоссальную энергию царь направил на подготовку России к новой схватке. Петр вел рискованную игру, ставил на карту последние средства, опустошая казну и истощая народ. Огромные субсидии выделялись Августу, чтобы поддержать единственного оставшегося союзника России. И все это время Петра преследовала мысль – что, если однажды утром Карл вздумает обратить свои победоносные сверкающие штыки против России?

По прошествии многих лет, уже после Полтавы, Петр смог окинуть взглядом панораму минувших событий. Он вспоминает о прошлом с олимпийским спокойствием человека, достигшего вершины славы, и вместе с тем в его словах содержится точная оценка того влияния, какое оказала битва под Нарвой на него самого, на становление Российской армии и на Россию в целом: «И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно: но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем называли Шепелева). Два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто. К тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и, единым словом сказать, все то дело, яко младенческое играие было: а искусство ниже видали. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию? Правда, сия победа в то время зело была печально чувственной, и яко отчаянная всякие впредь надежды и за великий гнев Божий почитаемая. Но ныне, когда о том подумаешь, воистину не в гнев, но милость Божию исповедати долженствует: ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах как воинских, так и политических, то в какую ж беду после нас оное щастие ввергнуть могло, которое оных шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичом немецким) под Полтавой так жестоко низринуло, что всю их максимум низ к верху обратило: но когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

* * *

Поверженная русская армия, которая начала отступление от Нарвы под торжествующим взглядом шведского короля, добралась до Новгорода. Лишившись пушек и пороха, палаток, снаряжения, а зачастую и мушкетов, солдаты напоминали беспорядочную толпу. К счастью для русской армии, корпус, который сформировал на Волге князь Аникита Репнин, не поспел к Нарве и не подвергся разгрому. Петр приказал Репнину направляться в Новгород с тем, чтобы его войска стали ядром, вокруг которого сплотятся стекавшиеся в город разбитые полки. Спустя три недели Репнин подсчитал прибывших и доложил Петру, что 22 967 человек сформированы в новые полки. Вместе с корпусом Репнина, составлявшим 10 834 человека, численность армии Петра достигла 34 000. К тому же с Украины двигалось 10 000 казаков. Тотчас по прибытии в Москву Петр поручил князю Борису Голицыну набрать десять новых драгунских полков по 1000 человек в каждом.

Верховным командующим этой заново создаваемой армии Петр назначил боярина Бориса Шереметева, в котором причудливым образом переплелись черты, характерные для старой Московии и новой петровской России. Шереметев был двадцатью годами старше царя и принадлежал к одному из древнейших русских родов, однако еще в юности он выступал против старомосковских обычаев. Как-то раз отец отказал ему в благословении за то, что он явился к нему с обритой бородой. В отличие от большинства русских бояр, Шереметев бывал за границей и жадно впитывал новые впечатления. В 1686 году Софья посылала его с поручениями в Польшу к королю Яну Собескому и в Вену к императору Леопольду. В 1697 году сорокапятилетний Шереметев вновь отправился за границу, на сей раз как частное лицо, получив отпуск от службы на двадцать месяцев. Он побывал в Вене, Риме, Венеции, на Мальте и был представлен императору, папе, дожу и великому магистру Мальтийского ордена, который посвятил его в рыцари и наградил Мальтийским крестом. Соотечественники завистливо дивились тому, как горделиво носил он свой орден, и язвительно спрашивали, не сделался ли боярин «мальтийским посланником». Шереметев невозмутимо сносил эти насмешки. Уитворт, новый английский посланник, называл его «учтивейшим человеком во всей стране».

Хотя Петру импонировал интерес Шереметева ко всему европейскому, он все же чаще использовал боярина не на дипломатической, а на военной службе. Дядя Шереметева командовал русской армией при царе Алексее до тех пор, пока не попал в плен к татарам и тридцать лет провел в заточении в Крыму. Сам Шереметев воевал и с поляками, и с татарами. В 1695–1696 годах, когда Петр штурмовал Азов, Шереметев провел успешный отвлекающий рейд в низовьях Днепра, где захватил несколько турецких крепостей. Шереметев был знающим, но осторожным военачальником. Можно было не сомневаться в том, что приказ Петра никогда не рисковать армией, покуда не будет полной уверенности в благоприятном исходе, Шереметев выполнит.

Пока заново собиралась и оснащалась армия, Петр велел срочно укреплять Новгород, Псков и Печерский монастырь близ Пскова. Женщин и детей ставили на работу наравне с мужчинами. Прекратились службы в церквях, поскольку священников, так же как и мирян, привлекли к земляным работам. Расчищая место под новые укрепления, рушили дома и церкви. Чтобы подать пример, Петр лично работал на рытье первого рва в Новгороде. Уезжая, он оставил за себя подполковника Шеншина. Тот же, полагая, что царь вернется не скоро, работу бросил. Когда Петр возвратился и не застал Шеншина, он велел бить его плетью у раската и отправить в Смоленск в солдаты.

Петр понимал, что в конце концов ему придется преобразовать свое войско в профессиональную, регулярную армию на основе двадцатипятилетней воинской повинности²⁴. А пока, несмотря на предпринятые усилия, новое воинство получило незавидную оценку современника в 1701 году: «Людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами,

²⁴ Рекрутская повинность всегда была пожизненной. – *Примеч. ред.*

и то тупыми, и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: клячи худые, сабли тупые, сами скудны и бзодежны, ружьем владеть никаким неумелые; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько. Попечения о том не имеет, чтобы неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молится Богу, чтоб и рану нажать легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от государя пожаловану б за нее быть, и на службе того и смотрят, чтоб где во время боя за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слышал: „Дай Бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать“».

Чтобы исправить положение, Петр приказал полностью перестроить подготовку войск в соответствии с новыми дисциплинарными уставами и новой тактикой по европейскому образцу. Пришлось начинать с самого начала, с создания новых воинских наставлений. Руководства по подготовке пехоты, которыми пользовались в России, были выпущены еще в 1647 году, да и те представляли собой переводы немецких пособий, изданных в 1615 году! Основное внимание Петр уделял подготовке войск к бою; он не видел проку от великолепно вымуштрованных для парадов солдат, которые «мушкетами выделывают фехтовальные приемы и маршируют, будто танцуют». Пышные мундиры солдат европейских армий, в которых они выглядели «разряженными куклами», тоже не устраивали Петра. Как только российские мануфактуры наладят производство сукна, его новая армия будет одета в простые зеленые кафтаны, которые дополняют сапоги, ремни и треуголки. Однако гораздо важнее было снабдить солдат современным оружием. К счастью, находясь в Англии, Петр закупил около 40 000 кремневых ружей с багинетами, крепившимися на кольцо, которые использовались как образцы для производства отечественного оружия. Сначала в 1701 году изготовили всего 6000 кремневых ружей, но к 1706 году Россия производила их уже 30 000 в год, а к 1711 году – 40 000.

Большое значение придавалось современной тактике. Пехотинцев обучали вести огонь по команде повзводно и владеть новыми багинетами. Кавалеристов учили двигаться только по команде, скакать поэскадронно, атаковать и отступать, сохраняя строй, а не уподобляться стаду испуганных баранов. Наконец, Петр стремился укоренить в армии новый дух. Он собственноручно указал в приказе, что солдаты должны сражаться не «за царя», а «за отечество».

Мало-помалу, несмотря на бесчисленные препоны, дезертирство, зависть и раздоры среди командования, была создана новая армия. Труднее всего обстояло дело с артиллерией. Под Нарвой русская армия лишилась почти всех своих орудий, от тяжелых мортир до полевых пушек, и теперь приходилось начинать с нуля. Ответить за это было поручено главе Ямского приказа Виниусу – он получил звание «надзирателя артиллерии» и широчайшие полномочия. Петр требовал немедленных действий. «Для Бога, – писал он Виниусу, – поспешайте артиллериею». Старик Виниус понял, что добывать и выплавлять металл некогда: новые пушки придется лить из того, что есть под рукой. Петр издал указ: «Со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Это было уже на грани святотатства, поскольку издавна привыкшие к колокольному звону люди почитали колокола чуть ли не так же, как сами церкви. Тем не менее к июню 1701 года была снята со звонниц, переплавлена и перелита в пушки четвертая часть церковных колоколов России. Виниус жаловался на пьянство мастеров, отливавших пушки, которых ни лаской, ни битьем от той страсти отучить невозможно. «Бургомистрам²⁵ скажи сие [письмо] покажи, – писал ему в ответ Петр, – что естели не будет за их удержкою станки [лафеты] готовы, то не только деньгами, но и головами платить будут».

²⁵ Имеются в виду члены Ратуши – главного органа городского управления в России начала XVIII в. – Примеч. ред.

И хотя сыскать мастеровых и подходящие компоненты для пушечных сплавов было совсем непросто, Виниус творил чудеса. В мае 1701 года он отправил к войскам в Новгород двадцать новых пушек, а скоро за ними последовало еще семьдесят шесть. К концу года его попечением было изготовлено более трехсот орудий и открыта школа, в которой 250 мальчиков готовились стать пушечными мастерами и артиллеристами. Петр был доволен. «Зело доброе дело, – писал он, – и надобно», ибо «время яко смерть». В 1702 году, невзирая на преклонный возраст Виниуса, Петр направил его в Сибирь провести инспекцию тамошних железных и медных рудников. С 1701 по 1704 год за Уралом было заложено семь плавильных заводов. Они производили металл такого высокого качества, что английский посланник считал его «лучше шведского», и скоро отлитые на Урале пушки уже стреляли в шведов. В 1705 году английский посланник отметил, что теперь русская артиллерия «содержится превосходно».

* * *

Меры, принимавшиеся Петром для обеспечения безопасности России, включали осторожные попытки найти – в Гааге или в Вене – посредников для переговоров со Швецией. Но попытки эти не увенчались успехом. Андрей Матвеев, сын боярина Артамона Матвеева, был послан в Голландию в качестве личного представителя Петра. По прибытии он выяснил, что Вильгельма III и Генеральные штаты занимают совсем другие дела. Почти одновременно с битвой под Нарвой произошло наконец событие, которого со страхом ожидала вся Европа: Карлос II, король испанский, скончался, оставив свой трон Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV. Король-Солнце от имени внука принял наследство, и Европа стала готовиться к войне. Кроме того, Голландия не желала встречать между Швецией, с которой она была связана договором, и Россией, с которой вела доходную торговлю через Архангельск. Матвееву удалось лишь с помощью Витзена приобрести 15 000 мушкетов и отправить их в Россию.

В Вене инкогнито появился князь Петр Голицын и попросил аудиенции у императора. Его заставили ждать семь недель и приставили к нему в качестве переводчика говорившего по-русски иезуитского пастора Вульфа, чтобы всякий желающий мог с ним общаться. Но таковых находилось немного. «Никак не могу видеть министров, сколько ни ухаживаю за ними; все бегает от меня и не хотят говорить», – отчаявшись, доносил он в Россию Головину. Престиж России вследствие нарвского поражения пал так низко, что вице-канцлер граф Кауниц смеялся Голицыну в лицо, а французский и шведский посланники публично над ним потешались. Наконец Голицыну удалось предстать перед императором Леопольдом; тот принял его учтиво, но был поглощен подготовкой к великой войне за Испанское наследство и ничего конкретного не обещал. Голицын писал Головину: «Всяким способом надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани Боже, если нынешнее лето так пройдет... Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которую бы его имя по-прежнему по всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».

Поскольку дипломатические акции Петра не увенчались успехом, он хотел удостовериться в постоянстве своего единственного союзника. Он договорился о свидании с Августом, которого не видел два с половиной года – со времени их первой встречи в Раве, когда король-курфюрст впервые предложил ему начать войну со Швецией. Теперь Август нервничал. Хотя его армия не была разбита, он оказался свидетелем быстрого и безжалостного разгрома своих союзников юным шведским королем. Пришлось задуматься: то ли продолжать войну, то ли договориться со шведами.

В феврале 1701 года Петр встретился с курфюрстом в Биржах (ныне Биржай), в той части Ливонии, которую контролировали саксонские войска. За десять дней переговоров, перемежавшихся банкетами и празднествами, два монарха вновь подтвердили свой союз. Петр заверил Августа, что, невзирая на поражение под Нарвой, Россия намерена продолжать

войну. Август, как единственный участник коалиции, чьи войска не были разбиты, навязал Петру жесткие условия. Петр согласился с тем, что при разделе захваченных территорий Ливония и Эстония отойдут к Польше и только Ингрия достанется России. Петр также обещал, что русская пехота численностью от 15 000 до 20 000 человек будет участвовать в военных действиях в Ливонии под саксонским командованием; Россия же полностью возьмет на себя содержание этого войска. Кроме того, царь согласился выплачивать Августу военную субсидию в размере 10 0000 рублей в год в течение трех лет. Это было тяжелое бремя, и, чтобы добыть деньги, пришлось основательно поприжать купцов и монастыри. Но в борьбе против Швеции Петру был необходим хотя бы один союзник.

В ходе переговоров государи порой позволяли себе развлечься. Однажды они устроили между собой состязание в пушечной стрельбе по мишени в открытом поле. К досаде Петра, Август, не имевший опыта в артиллерийском деле, поразил мишень дважды, тогда как Петр не попал ни разу. На следующий день был устроен банкет, который затянулся за полночь. Поутру, когда Август крепко спал, Петр один пошел к мессе. Заметив его интерес к католическому богослужению, поляки стали намекать ему на возможность унии православной и католической церквей. Но Петр отвечал им: «Господь дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос, и соединение церквей может совершиться только с Божьей воли».

* * *

Победа под Нарвой опьянила Карла, и первое время, как и опасался Петр, он намеревался закрепить ее, вторгнувшись в Россию. Кое-кто из его советников утверждал, что он может без труда захватить Кремль, низложить Петра, посадить на царство Софью и подписать новый мирный договор, по которому шведской балтийской империи отойдут новые территории. Карл загорелся этой идеей. Магнус Стенбок несколько недель спустя после баталии писал: «Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уж больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, как будто сам Господь внушает ему, что он должен делать. Граф Пипер (первый министр короля) очень тем обеспокоен, поскольку важнейшие вопросы решаются безо всякой подготовки и вообще дела идут так, что я не рискну доверить это бумаге». А в декабре гвардейский офицер Карл Магнус Поссе писал домой в Швецию: «Несмотря на холод и голод, король еще не хочет отпустить нас на зимние квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человек, то он с ними вторгнется в Россию, не заботясь, чем будут солдаты питаться. Если кого-нибудь из наших убивают, его это нисколько не трогает».

Но как ни мечтал Карл вторгнуться в глубь России, в тот момент это было неосуществимо. Победоносная в бою шведская армия вскоре столкнулась с врагом более опасным, чем неприятельские солдаты, – голодом и болезнями. Ливония была опустошена русскими солдатами, которые истребили все съестные припасы. До весны нельзя было ожидать поступления провианта из Швеции, и скоро шведские кавалерийские кони начали обгладывать кору с деревьев. Ослабленные голодом полки Карла стали таять от лихорадки и дизентерии («кровавого поноса»), распространившихся в лагере: умерло 400 человек из Вестманландского полка и 270 из Далекарлийского. К весне под ружьем оставалось менее половины солдат. С неохотой Карл покорился необходимости и отправил войска на зимние квартиры. Сам король занял старинный замок неподалеку от Дерпта. Там он пробыл пять месяцев, занимая себя любительскими спектаклями, маскарадами, ужинами и нешуточными снежными баталиями. Магнус Стенбок организовал оркестр и улаждал слух короля музыкой собственного сочинения.

К весне 1701 года Карл уже не столь горячо стремился к вторжению в Россию. Он ни во что не ставил русских солдат и считал, что мало чести сражаться с таким противником. Еще одна победа над Петром только потешит Европу. Иное дело – обученные саксонские войска Августа: победу над ними Европа оценит! К тому же Карл решил, что было бы неразумно

двинуться на Россию, позволив неразбитой саксонской армии угрожать ему с тылу.

К июню из Швеции прибыло 10 000 новых рекрутов, пополнив армию Карла до 24 000 человек. Оставив отряд на случай появления русских частей, Карл с основными силами в 18 000 человек двинулся на юг, намереваясь форсировать Двину близ Риги и разгромить армию, состоявшую из 9000 саксонцев и 4000 русских под общим командованием саксонского генерала Штейнау. Река достигала в ширину 650 ярдов; чтобы переправиться через нее, шведы провели десантную операцию. Она удалась благодаря дымовой завесе, которую устроили, поджигая сырую солому и навоз, и поддержке тяжелых орудий с кораблей, бросивших якорь на реке. Карл лично возглавил первую атаку пехоты; возражения своих встревоженных офицеров он отгнал, заявив, что он не погибнет раньше, чем судил ему Господь. К сожалению Карла, шведы не смогли переправить свою кавалерию и саксонская армия, хотя и изрядно потрепанная, успела отступить. Солдаты, присланные Петром на подмогу Августу, повели себя не лучшим образом. Четыре петровских полка, которые Штейнау держал в резерве, ударились в панику и разбежались, даже не вступив в бой. Презрение Карла к петровской армии еще более возросло.

Вскоре после этой несомненной, но не окончательной победы Карл, которому было в ту пору девятнадцать лет, принял стратегическое решение, которое оказало глубокое влияние и на его жизнь, и на жизнь Петра: до вторжения в Россию добиться полного разгрома Августа. В то время это представлялось вполне разумным. Невозможно было выступать против двух противников одновременно, а из этих двоих саксонцы вели активные действия, тогда как русские поприлихли. Кроме того, Саксония и даже Польша представляли собой ограниченный театр военных действий: войска курфюрста можно было загнать в угол и разбить. Россия же была так велика, что шведское копье, даже глубоко вонзившись в плоть этого гиганта, все же могло не поразить его сердце.

Помимо всего прочего, Карл чувствовал себя жестоко оскорбленным. Август был его кузеном, цивилизованным европейским монархом, а потому в глазах Карла выглядел вероломным подлецом, гораздо худшим, чем Петр. Петр хотя бы соизволил объявить войну, прежде чем напасть, тогда как Август вторгся в Ливонию без предупреждения. Мог ли Карл, даже если бы заключил мир с курфюрстом, полагаться на то, что тот не нарушит данного слова и не нападет на него, как только шведы вторгнутся в Россию? Да и вообще, как говорил Карл одному из друзей, – «унизительно для моей чести входить в какие бы то ни было сношения с человеком, который повел себя столь постыдно и бесчестно».

Наконец, Карла не могли не тревожить странные, на его взгляд, отношения Августа с обширной Речью Посполитой, где курфюрст выступал в непростой роли короля. До сих пор Август вел войну против Швеции только в качестве курфюрста Саксонии. Теперь же саксонские войска отступили на территорию Польши и шведская армия не могла их преследовать. Кардинал Радзиевский, примас Польши, настаивал на том, что Речь Посполитая не имеет никакого отношения к войне против Швеции, которую Август развязал без ее согласия, и, следовательно, Карл не должен ступать на польскую землю. В ответном письме от 30 июля 1701 года Карл писал, что король Август сам лишил себя права на польский трон, начав войну без согласия шляхты и Речи Посполитой и поэтому единственная возможность для Польши гарантировать мир – это собрать сейм, низложить Августа и избрать нового короля. Карл обещал, что, пока он не получит ответа от кардинала, шведская армия не нарушит польской границы и не станет преследовать Августа на польской земле.

Карл надеялся на скорый ответ и не хотел оказывать давление на кардинала или на сейм. Но шло время, минуло лето, и наступила зима, а ответа все не было. Когда же наконец в середине октября ответ был получен, он оказался отрицательным. Сейм требовал, чтобы Карл не нарушал границ и предоставил Польше самой заниматься своими делами; не давалось даже гарантии того, что впредь польская территория не будет служить базой для саксонской армии. Карл пришел в ярость, но была уже глубокая осень – слишком поздно что-либо предпринимать. Он снова отвел свою армию на зимние квартиры, на сей раз на

территорию нейтрального Курляндского герцогства, жители которого были вынуждены размещать и кормить незваных гостей за свой счет. В январе армия переместилась южнее, в Литву.

Именно сюда, на зимние квартиры в Беловеже, Август прислал необычного эмиссара, обладающего исключительным даром убеждения, в надежде склонить Карла к миру. Это была самая красивая и самая известная из многочисленных фавориток Августа – графиня Аврора Кенигсмарк. Аврора была щедро одарена природой: золотистые волосы, выразительные глаза, прелестный рот, высокая грудь и стройная талия – к этому нужно добавить еще острый ум, веселый нрав и разнообразные таланты. Замысел Августа понятен: прославленная красавица, уроженка Швеции, наверняка сумеет приручить застенчивого и неотесанного шведского короля, смягчит его суровую воинственность, стоит ей поближе с ним познакомиться. Тот факт, что Карлу было девятнадцать, а Авроре почти тридцать девять, отнюдь не казался препятствием, скорее наоборот – для успеха подобной миссии требовалась не только красота, но также зрелость, такт и опыт.

У Авроры было немало родственников среди шведских офицеров, что и послужило формальным предлогом для ее визита. Накануне приезда она направила юному королю восторженное письмо, в котором просила о чести припасть к руке его величества. Карл наотрез отказался ее принять. Это не обескуражило графиню. Уверенная в собственной неотразимости, она остановила свой экипаж на дороге, по которой Карл совершал ежедневные прогулки верхом. Завидев короля, Аврора выскочила из кареты и упала на колени перед всадником прямо в дорожную пыль. Карл в изумлении приподнял шляпу, низко поклонился в седле, а затем прищипорил коня и ускакал прочь. Аврора потерпела неудачу: Августу придется поискать другие средства для того, чтобы остановить Карла или отвлечь его от задуманного.

Спустя несколько месяцев, весной 1702 года, Карл вторгся в Польшу и двинулся на Варшаву и Краков, решившись сам сделать то, что отказались сделать поляки: свергнуть Августа с польского трона. 9 июля под Клишовом Карл во главе 12-тысячной шведской армии навязал сражение 16-тысячной саксонской армии, которой предводительствовал Август. Шведы потеряли убитыми и ранеными 900 человек, включая королевского зятя Фридриха Гольштейн-Готторпского, а потери саксонцев составили 2000 и еще 2000 угодили в плен. Паткуль, представитель царя в саксонской армии, был вынужден спасаться бегством в крестьянской телеге. Но под Клишовом победа Карла оказалась неполной – армия Августа вновь отступила и продолжала представлять угрозу. Так началась польская авантюра Карла, мало-помалу превратившаяся в навязчивую идею и растянувшаяся еще на шесть лет. Король не обращал внимания ни на петиции балтийских провинций, ни на увещевания шведского парламента, ни на советы собственных военачальников, и отказывался повернуть войска в Россию до полного отмщения Августу. По словам одного из шведских генералов, «он уверовал в то, что он посланник Божий на земле, призванный искоренить вероломство».

* * *

Пока Карл гонялся за Августом по польским лесам и болотам, получившая передышку Россия добилась некоторых, пока скромных, военных успехов. Сначала удалось отразить нападение шведского флота на Архангельск, затем Шереметев одержал в Ливонии три небольшие, но важные победы. Пока шведский король двигался на юг, против Августа, Шереметев, ставка которого находилась в Пскове, предпринял ряд небольших наступательных операций против отряда шведского полковника Вольмара Антона фон Шлиппенбаха, который был оставлен для защиты Ливонии с силами в 7000 человек. Получив это назначение, Шлиппенбах был произведен в генерал-майоры. Миссия его заключалась всего-навсего в том, чтобы неопределенно долго сдерживать все русские силы, и он с горечью говорил королю о том, что предпочел бы вместо чина получить еще 7000 солдат. «Об этом не может быть и речи», – высокомерно отрезал Карл.

В январе 1702 года Шереметев одержал победу над невезучим Шлиппенбахом под Эрестфером, неподалеку от Дерпта, в Ливонии. 7-тысячная шведская армия собиралась отойти на зимние квартиры, когда появился Шереметев: он вел 8000 пехотинцев и драгун, снаряженных по-зимнему. На санях были установлены 15 пушек. В результате продолжавшейся четыре часа схватки шведы были не только выбиты из зимнего лагеря, но, по их собственной оценке, потеряли более 1000 человек (по подсчетам русских, шведы потеряли 3000, а 1000 солдат составляли их собственные потери). Было захвачено и отправлено в Москву 350 пленных шведов, что имело скорее символическое значение. Узнав об этом, Петр радостно воскликнул: «Слава богу! Наконец-то мы можем бить шведов». Он возвел Шереметева в сан фельдмаршала и послал ему орден Св. Андрея Первозванного на голубой ленте и свой портрет, усыпанный бриллиантами. Офицеры Шереметева были повышены в чине, а все рядовые получили по рублю новой царской чеканки. В Москве звонили колокола, палили пушки, в церквях служили благодарственные молебны. Петр с триумфом въехал в столицу, ведя за собой пленных шведов. И русские войска, подавленные после Нарвы, воспряли духом.

Следующим летом, в июле 1702 года, Шереметев вновь атаковал Шлиппенбаха в Ливонии, на сей раз у Гуммельсгофа, и почти полностью уничтожил 5-тысячное шведское войско. Было убито и ранено 2500 человек, а 300 солдат попало в плен вместе с артиллерией и знаменами. Потери русских составили 800 человек.

После Гуммельсгофа мобильная армия Шлиппенбаха перестала существовать, и Ливония оказалась беззащитной, если не считать привязанных к месту гарнизонов в Риге, Пернау и Дерпте. Войска Шереметева, в особенности не ведавшие жалости калмыки и казаки, беспрепятственно разоряли провинцию, выжигали хутора, селения и небольшие города и угоняли в плен тысячи мирных жителей. Так начатая Паткулем война за освобождение Ливонии принесла опустошение его родине. В русских лагерях собралось такое множество пленных, что их продавали и покупали как невольников. Шереметев писал Петру, прося распоряжений: «Пошлю я в разные стороны отряды калмыков, да казаков для конфузии неприятеля. Прибыло мне печали: где мне деть взятый полон? Тюрьмы полны, и по начальным людям везде [розданы]: опасно оттого, что пленные какие сердитые... также и денег на корм много исходит, а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить. А чухны, выбрав лучших 100 семей, которые умеют, овые топором, овые иные художники, а в тех семьях будет больше 400 душ, для азовской посылки, тотчас за тепло велю гнать к Москве».

Среди пленных была неграмотная семнадцатилетняя девушка, которую Шереметев не стал отправлять в Азов, а оставил в своем доме. Со временем этой девушке предстояло возвыситься. Марта, по рождению Скавронская, впоследствии была взята в дом могущественного князя Меншикова, стала любовницей царя, затем его женой и в итоге самодержавной государыней – Екатериной I, императрицей Всероссийской.

* * *

Одерживая победы на суше, Петр, никогда не забывавший о море, разработал для борьбы со шведскими силами в балтийских провинциях новую остроумную тактику с использованием легких суденышек на реках и озерах. Сознывая неоспоримое превосходство шведов в крупных боевых кораблях, Петр решил построить множество мелких судов, которые могли бы одолеть неприятельские эскадры простым численным превосходством. Он начал с небольших гребных судов с одним парусом. Работы велись на крупнейшем в Европе Ладожском озере, где шведы держали эскадру бригантин и галер. 20 июня 1702 года на южной оконечности озера 400 русских солдат на восемнадцати небольших лодках атаковали шведскую эскадру из трех бригантин и трех галер. Шведы оказались в затруднительном положении: когда появились русские лодки, суда стояли на якоре, а большая часть экипажей в это время грабила поселок на берегу. В произошедшей схватке был поврежден шведский

флагман, двенадцатипушечная бригантина, и шведам пришлось отступить. 7 сентября та же шведская эскадра вновь подверглась атаке, на этот раз у Кексгольма, тридцатью русскими лодками. С тех пор русские беспрестанно, как шакалы, тревожили шведские суда, и адмирал Нуммерс, решив, что так дело не пойдет, приказал эвакуировать с Ладоги все суда. После того как его флот отступил вниз по Неве, ничто не препятствовало движению русских судов по Ладоге, и это сделало возможным той же осенью одержать победу под Нотебургом.

Тем временем и к югу от Нарвы, на Чудском озере, петровские моряки проводили аналогичные операции. 31 мая того же года почти сотня русских лодок атаковала четыре больших шведских корабля. Шведы отбили атаку и потопили три лодки, но все же были вынуждены отступить к северному берегу. 20 июня и 31 июля были по отдельности атакованы русскими флотилиями два шведских корабля, доставлявших по озеру припасы и амуницию. Одно судно село на мель, и команда по приказу капитана покинула его, предварительно побросав пушки за борт. Второе было взято на абордаж, а затем взорвано. В итоге в 1702 году шведы были полностью вытеснены с Чудского озера. На следующий год они вернулись с большими силами, потопили двадцать русских лодок и восстановили контроль над озером. Но в 1704 году роли опять переменялись – на этот раз окончательно. Русские подкараулили шведскую флотилию, стоявшую на якоре на реке Эмбах (Эмайыэге) у Дерпта, установили заграждения там, где река впадала в озеро, а на берегу разместили артиллерию. Любой шведский корабль, которому удалось бы прорваться, поджидали за заграждением 200 русских лодок. Когда тринадцать шведских кораблей спустились вниз по реке, течение понесло их прямо на заграждение. Русские береговые батареи разнесли все корабли в щепки. Командам удалось высадиться на берег, взять штурмом одну из батарей и пробиться назад в Дерпт. Но все суда были уничтожены и присутствию шведского военного флота на Чудском озере был положен конец. А позднее в том же году русская армия захватила и Нарву, и Дерпт.

* * *

Весной 1702 года Андрей Матвеев добыл в Голландии секретные сведения, что летом шведы собираются напасть на Архангельск. Петр решил лично отправиться туда, поскольку хотел быть уверенным в том, что единственный русский порт останется в его руках. В конце апреля он вместе с двенадцатилетним царевичем Алексеем совершил тридцатидневное путешествие на север в сопровождении пяти гвардейских батальонов общей численностью 4000 человек. Сразу после приезда царя оборонительные сооружения привели в порядок и стали ждать неприятеля. Так прошло почти три месяца, в течение которых Петр занимался строительством кораблей: спустил на воду «Святой дух» и «Курьер» и заложил новый двадцатишестипушечный корабль «Илья Пророк».

В августе прибыл ежегодный англо-голландский торговый караван, более многочисленный, чем обычно, поскольку вся русская торговля, которая прежде велась через шведские порты на Балтике, пошла теперь через Архангельск. Тридцать пять английских и пятьдесят два голландских корабля привезли товары, а заодно и известие, что шведы отказались от мысли напасть на Архангельск этим летом. Петр без промедления отбыл на юг. Достигнув северного берега Ладожского озера, он послал распоряжение Шереметеву, который только что одержал победу под Гуммельсгофом в Ливонии, и Петру Апраксину, который беспрестанно донимал шведов в Ингрии идти на соединение с ним и его гвардией, чтобы захватить шведскую крепость Нотебург, построенную в том месте, где Нева вытекает из Ладоги, и установить полный контроль над озером.

Нотебург – мощная крепость, возведенная еще в XIV веке новгородцами. Небольшой остров, на котором она стояла, по форме напоминал лесной орех (отчего крепость по-русски называлась Орешек, а по-шведски Нотебург) и находился как раз там, откуда Нева начинает свой сорокачетырехмильный путь к морю. Занимая ключевую позицию в устье реки, крепость контролировала торговый путь из Балтики по Неве в Ладожское озеро и далее по

внутренним русским рекам. Так что контроль над Орешком означал контроль над торговлей до самого Востока. Когда крепостью владела Россия, она защищала исконные русские земли от шведов; когда в 1611 году ею овладели шведы, она превратилась в заслон, преграждающий России путь к Балтике. На ее высоких каменных стенах и шести могучих белых башнях было установлено 142 орудия. Шведский гарнизон был невелик – всего 450 человек, но быстрое течение реки затрудняло высадку противника с лодок, которые к тому же стали бы мишенью для пушечных ядер.

Перспектива овладеть крепостью воодушевила Петра. Приказывая Шереметеву поспешить, он писал: «Изволь учинить по вашему рассуждению, чтобы сего, Богом данного времени, не терять». Как только прибыли русские войска и осадные орудия, блокированная крепость, которая не могла рассчитывать на помощь со стороны шведской армии, была обречена. На озере скопилось множество русских лодок, чтобы перевозить войска для приступа. По берегам реки – южный берег находился в 300 ярдах от крепости – были насыпаны земляные укрепления и установлены осадные мортиры. Первая плохо подготовленная попытка штурма крепости с лодок со штурмовыми лестницами была отбита. Тогда повели непрерывный обстрел из мортир, методично разрушая крепостные стены. На третий день обстрела жена шведского коменданта послала в русский лагерь письмо, в котором просила, чтобы ей и другим женам шведских офицеров было позволено покинуть крепость. Петр ответил лично, в иронически-галантной манере пояснив, что он не смеет разлучать шведских дам с их мужьями, и, разумеется, они могут оставить крепость, но при условии, что заберут с собой и мужей. Спустя неделю, через десять дней после начала обстрела, уцелевшие защитники крепости сдались.

Петр был вне себя от радости: наконец-то его новой армии при помощи пушек, переплавленных из церковных колоколов, удалось захватить у шведов важную крепость. Той же ночью он написал письмо Виниусу, в котором говорилось: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудно дело сие справила». Как символ того, что покоренная крепость является ключом к Неве, а следовательно, и к Балтике, Петр укрепил полученный от шведского коменданта ключ на западном бастионе и переименовал крепость в Шлиссельбург, от немецкого слова Schlusel – «ключ» (ныне Петрокрепость). В ознаменование победы были сооружены три триумфальные арки, и увенчанный лаврами царь торжественно въехал в Москву. Тем временем разрушенные стены крепости восстанавливались, возводились дополнительные наружные укрепления и жилые помещения, в которых могло разместиться до 4000 солдат. Комендантом переименованной фортеции был назначен Александр Меншиков. С тех пор Шлиссельбург всегда занимал особое место в сердце Петра. И если 22 октября, в годовщину захвата крепости, он находился где-то неподалеку, он обязательно вез на памятное место своих гостей, а иногда и весь свой двор, и устраивал там празднование.

Падение Нотебурга-Шлиссельбурга было ударом для шведов. Крепость прикрывала Неву и всю Ингрию от возможного вторжения русских с востока. Карл, находившийся в это время далеко, в Польше, понял значение случившегося, когда его известил об этом расстроенный граф Пипер. «Утешьтесь, мой дорогой Пипер, – спокойно сказал король, – противник не сможет унести крепость с собой». Однако в других случаях Карл мрачно говорил, что русские дорого заплатят за Нотебург.

* * *

Весной следующего 1703 года, пока Карл оставался в Польше, Петр решил не терять «Богом данного времени» и приступить к непосредственному осуществлению главной цели – утвердиться на балтийском берегу. 20-тысячная армия под командованием Шереметева выступила из Шлиссельбурга и двинулась через лес вдоль северного берега реки по направлению к морю. Петр на шестидесяти лодках, доставленных с Ладogi, проследовал водным путем. Нева имеет в длину всего сорок четыре мили и больше похожа не на реку, а

на широкий с быстрым течением пролив между Ладожским озером и Финским заливом. Сильных шведских крепостей по дороге не было. Единственный опорный пункт шведов – Ниеншанц (Канцы) – лежал в нескольких милях от залива вверх по реке. Это был процветающий городок со множеством мастерских, но фортификационные работы там завершить еще не успели. Русские осадные орудия начали обстрел 11 мая 1703 года, и на следующий день малочисленный гарнизон сдался.

В тот же вечер, когда пал Ниеншанц, в русском лагере стало известно, что в заливе появился шведский флот. Девять кораблей под командованием адмирала Нуммерса подошли к устью Невы и двумя сигнальными выстрелами известили соотечественников в Ниеншанце о своем прибытии. Чтобы ввести в заблуждение шведских моряков, на сигнал незамедлительно ответили. Осторожный Нуммерс послал на разведку лодку вверх по реке. Лодка была захвачена. Два дня спустя, уже начиная беспокоиться, Нуммерс приказал двум небольшим судам – трехмачтовой бригаantine и галере – подняться по реке и выяснить, в чем дело. Преодолевая коварное быстрое течение, суда поднялись до Васильевского острова, где стали на ночь на якорь. Тем временем Петр с Меншиковым погрузили два гвардейских полка на тридцать больших лодок, спустились вниз по Неве и укрылись в болотистых водах среди множества островов. На рассвете 18 мая они подошли на веслах, окружили шведские корабли и, застав их врасплох, атаковали. Схватка была ожесточенной. Шведы стреляли из пушек, разнося в щепки обступившие их русские суда, русские же отвечали гранатами и мушкетным огнем. В конце концов Петр и его солдаты взяли на абордаж оба судна и пленили немногих оставшихся в живых шведов. Корабли и пленных доставили в Ниеншанц, переименованный в Шлотбург. Петр был безмерно воодушевлен первой морской победой, в которой он лично принимал участие; заслуги царя и Меншикова были отмечены Андреевским орденом.

Одержав эту победу, Петр – во всяком случае, на время – добился того, ради чего, согласно царскому манифесту, и велась война. Он захватил берега Невы вдоль всего ее течения и вновь обеспечил России утраченный выход к Балтийскому морю. Россия вернула себе Ижорскую землю. Во время очередной триумфальной процессии в Москве на одном из знамен красовалась карта Ижорской земли и надпись: «Не чужую землю мы захватили, но свою вотчину».

Петр старался поскорее закрепить свои завоевания. Он мечтал построить город у моря – порт, из которого русские корабли и русские купцы поплыли бы в дальние моря. Поэтому, едва только он вышел к Балтике, он тут же велел закладывать новый город. Кое-кому это казалось неразумной и несвоевременной тратой сил: Петр имел здесь лишь точку опоры, и то не слишком надежную. Пока Карл был далеко, но еще никому не удавалось разбить его в бою. Когда-нибудь он непременно явится, чтобы вернуть то, что Петр захватил у него за спиной. И тогда с таким трудом воздвигнутый город станет всего-навсего одним из многих шведских владений на Балтике.

Но прав оказался Петр. Шведы действительно возвращались, но всякий раз получали отпор. Минули столетия, но ни один из завоевателей, вторгавшихся в Россию – Карл XII, Наполеон, Гитлер, – так и не смог захватить балтийский порт Петра, хотя во время Второй мировой войны нацистская армия и осаждала его 900 дней. С того времени, когда Петр впервые ступил на берег Невской губы, эта земля и город, выросший на ней, навсегда остался за Россией.